

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра философии

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ РАБОТА

по философии на тему

«Становление концепции бессознательного в психоанализе
Зигмунда Фрейда и теории архетипов Карла Густава Юнга »

Выполнила студентка

группы ПО-01а

Краснокутская Мария Владимировна

Научный руководитель

к.ф.н., доц. Муза Дмитрий Евгеньевич

Донецк 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Биографические сведения о к. Г. Юнге и З. Фрейде	6
Проблема бессознательного в философии	9
Концепция бессознательного у З. Фрейда	16
Коллективное бессознательное в интерпретации К.Г.Юнга	21
Выводы	35
Литература	38

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной работы – реконструкция проблемы бессознательного. Определение ее значимости в нашей жизни. Анализ трудов К. Юнга, З. Фрейда и другой литературы, посвященной бессознательному. Выяснение роли бессознательного в жизни человека. Определение методов решения проблемы бессознательного.

К. Маркс определил проблему бессознательного как проблему скрытых детерминант сознания, т. е. не представленных в сознании. Он считал, что реальная жизнь формирует содержание сознания индивидов вне сознательного контроля с их стороны. Люди часто не осознают, что их сознание обусловлено способом их жизни.[6, 201]

Бессознательное – это совокупность психических явлений, состояний и действий, лежащих вне сферы человеческого разума, безотчетных и не поддающихся, по крайней мере в данный момент, контролю со стороны сознания. Бессознательным являются сновидения, гипнотические состояния, явления сомнамбулизма, состояния невменяемости и т. п. К сфере бессознательного относятся инстинкты, от которых человек как биологическое существо не свободен. Инстинкты могут порождать и порождают у человека подсознательные желания, эмоции, волевые импульсы, которые позже могут попадать в сферу сознания. Отрицать роль полового и пищевого инстинктов в психической и даже сознательной жизни человека было бы ошибочно. Так называемые автоматизмы и интуиция могут зарождаться все помощью сознания, но потом погружаться в сферу бессознательного. Автоматизмы – достаточно сложные действия человека, первоначально действуя под контролем сознания, в результате длительной тренировки и многократного повторения приобретают бессознательный характер: навыки игры на музыкальных инструментах, спортивное плавание, езда на велосипеде, рутинные трудовые операции и т. д. Такие автоматизмы пронизывают нашу жизнь. Среди подсистем бессознательного важное место

занимает установка, состояние готовности, предрасположенности субъекта к определенной ситуации. На примерах автоматизма хорошо видна охранительная функция бессознательного. Бессознательное может направлять поведение людей и в этом отношении определенным образом воздействовать на сознание.[7, 165 – 168]

Ретроспективный анализ проблемы бессознательного показывает, что она обладает некоторой традицией. Намеки на существование такой проблемы содержались еще в ранних формах фольклора, мифологии, религии. В различных значениях и смыслах проблема бессознательного ставилась и разрабатывалась в философии и психологии на протяжении всей их истории. В европейской рациональной традиции идея о бессознательном психическом восходит к эпохе создания философии (к учению Сократа и Платона об анамнесисе – знании – припоминании, учению Аристотеля о разных частях души и др.). Существенный вклад в последующее осмысление и изучение проблемы бессознательного внесли Б. Спиноза (неосознаваемые «причины, детерминирующие желание»), Г. Лейбниц (трактовка бессознательного как низшей формы душевной деятельности), И. Кант (связь бессознательного с проблемами интуитивного и чувственного познания), А. Шопенгауэр (идеи о бессознательных внутренних импульсах), Г. Фехнер (представление о «душе – айсберге»), И. Сеченов («бессознательные ощущения или чувствования»), И. Павлов («бессознательная психическая жизнь»), Ж. Шарко (идеи о невидимой и неосознаваемой психической травме) и многие другие.

Принципиально важные результаты были получены З. Фрейдом, создавшим корректное психологическое определение бессознательного, учение о бессознательном, соответствующий категориально-понятийный аппарат и методы познания; установившим некоторые элементы содержания, функционирования и регуляции бессознательного.[5, 33 – 34]

Важное значение для понимания бессознательного имеют работы К. Г. Юнга – швейцарского психолога и психиатра, последователя З. Фрейда.

Изучая бессознательное, К. Г. Юнг обнаружил в его структурах так называемые архетипы. Если «комплексы» переживаний Фрейда есть результат индивидуальной жизни человека и представляют собой продукт вытеснения, то архетипы связаны с коллективной жизнью людей, с жизнью рода и закрепляются в психике человека исторически, передаются по наследству из поколения в поколение.[7, 169 – 170]

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О К. Г. ЮНГЕ И З. ФРЕЙДЕ

КАРЛ ЮНГ. Карл Густав Юнг родился в 1875г. в швейцарском местечке Кесвиль. Отец его был священником, а дед - профессором медицины Базельского университета, он переехал в Швейцарию из Германии с рекомендацией А. фон Гумбольдта (и слухами, будто он - внебрачный сын Гёте). Мать Карла Густава происходила из семьи местных бюргеров, которые на протяжении уже многих поколений становились протестантскими пасторами. Семья принадлежала, таким образом, к «хорошему обществу», но едва сводила концы с концами.

Юнг был малообщительным, замкнутым подростком, у которого не было приятелей. К внешней среде он приспособлялся с трудом, сталкивался с непониманием, предпочитал общению погружение в мир собственных мыслей. Словом, представлял классический случай того, что сам он назвал впоследствии «интраверсией». Если у экстраверта психическая энергия направлена преимущественно на внешний мир, то у интраверта она перемещается к субъективному полюсу.

Уже в старших классах гимназии он обращается к трудам великих философов прошлого - от Гераклита и пифагорейцев до Канта и Шопенгауэра. Учение последнего о «мире как воле и представлении» оказало на него особенно сильное влияние. Философский критицизм способствовал скептической оценке протестантского богословия. Неприятие всего того, о чём толковали в реформатской церкви, было связано не только с размышлениями на теологические темы, каковым методично предавался Карл Густав, но и иными причинами. Свои мемуары он не зря назвал «Воспоминания, сновидения, размышления» - сновидения играли огромную роль в духовной жизни Юнга, позже вокруг них строилась вся его психотерапевтическая практика.

В сновидениях Юнга той поры важен один мотив, который дает ему основания для размышления. Он наблюдает образ наделенного магической

силой старца, который был как бы его alterEgo, «вторым Я». В мелких заботах жил замкнутый и робкий юноша - личность N1, а в снах являлась другая ипостась его Я, личность N2, обладающая даже своим именем (Филемон). Прочитав под конец обучения в гимназии «Так говорил Заратустра» Ницше, Юнг испугался: у Ницше тоже была «личность N2» по имени Заратустра: она вытеснила личность философа (отсюда безумие Ницше - так считал Юнг до конца дней своих, вопреки более достоверному диагнозу). Страх перед подобными последствиями «сновидчества» способствовал решительному повороту к реальности. Да и необходимость одновременно учиться в университете, работать, зная, что рассчитывать придется лишь на свои силы, уводила от волшебного мира сновидений. Что до личностей «внешнего» и «внутреннего» человека, то главной целью юнгианской психотерапии станет их гармоничное единение у пациентов.

ЗИГМУНД ФРЕЙД. Зигмунд Фрейд – создатель направления, которое приобрело известность под именем глубинной психологии и психоанализа, родился 6 мая 1856 г. в небольшом моравском городе Фрейбурге в семье небогатого торговца шерстью. В 1860 г. семья переехала в Вену, где будущий знаменитый ученый прожил около 80 лет. В большой семье было 8 детей, но только Зигмунд выделялся своими исключительными способностями, удивительно острым умом и страстью к чтению. Он окончил гимназию с отличием в 17 лет и поступил в знаменитый Венский университет. Обучаясь в университете, Фрейд вошел в студенческий союз по изучению истории, политики, философии (это в дальнейшем сказалось на его концепциях развития культуры). Но особый интерес для него представляли естественные науки, достижения которых произвели в середине XIX века настоящую революцию в умах, заложив основу современного знания об организме, о живой природе. В великих открытиях этой эпохи – законе сохранения энергии и законе эволюции органического мира Дарвина – черпал Фрейд убеждение в том, что научное знание есть знание причин явлений под строгим контролем опыта. Фрейд, таким образом, воспитывался

на принципах и идеалах точного, опытного естествознания – физики и биологии. Этим идеалам он следовал и тогда, когда перешел в область психологии.

Ежедневно по 8 – 10 часов на протяжении многих десятилетий Фрейд занимался врачебной практикой. На фактах, почерпнутых в клинической практике, он проследил сложность и многоплановость структуры личности, значение в ее истории внутренних конфликтов и кризисов, последствия неудовлетворенных желаний. Фрейдом был введен в научный оборот ряд идей и проблем, показавших, что уровень сознания не отделим от других глубинных уровней психической активности, не изучив взаимодействие которых невозможно понять природу человека. Фрейд разработал ряд гипотез, моделей, понятий запечатлевших своеобразие психики и прочно вошедших в арсенал современного научного знания о ней. [1, 3 – 15]

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ

Многие западные, да и российские исследователи утверждают, что психоаналитическое учение Фрейда основывается на фактах клинического наблюдения за истерическими больными и рассмотрении основателем психоанализа собственных сновидений. Истоки психоанализа лежат, по их убеждению, в психиатрических, физиологических концепциях конца XIX века. Что касается философских идей, то они не оказали никакого влияния на Фрейда, ибо он не только с предубеждением относился к абстрактным размышлениям философов, но и фактически никогда не обращался к философским трактатам. [2, 3 – 30]

Другие исследователи считают, что некоторые философские идеи вполне могли оказать воздействие на становление различных психоаналитических концепций. Среди философов, размышления которых о человеке дали толчок к формированию учения Фрейда, называются имена Аристотеля, Платона, Шопенгауэра, Ницше и др.

Теоретики психоаналитической ориентации долгое время рассматривали Фрейда как ученого, впервые открывшего сферу бессознательного и, тем самым, совершившего переворот в науке. Подобные представления являются распространенными, но весьма далекими от истинного положения дел.

Так для некоторых учений, возникших в рамках древнеиндийской философии, было характерным признание существования *«неразумной души»*, *«неразумной жизни»*, протекающей таким образом, что человеку становятся *«неподвластны чувства»*. В ведийской литературе Упанишад говорится о *«пране»*, представляющей собой жизненную энергию, которая является изначально бессознательной. Буддийское учение также исходит из признания наличия несознательной жизни.

Будучи знаком с философией Платона, Фрейд мог почерпнуть отсюда представления о бессознательном, т.к. Платон размышляет о проблеме

неосознанного знания человека. Да и другие темы, развиваемые в рамках древнегреческой философии и вплотную примыкавшие к проблеме бессознательного, будь то сновидения или побудительные мотивы деятельности человека, не могли не заинтересовать основателя психоанализа. Не случайно, при обосновании или оправдании своих психоаналитических постулатов он, хотя и не часто прибегал к авторитетам Эмпедокла и Аристотеля.

В философии XVII-XVIII столетий на передний план осмысления выдвинулись вопросы, связанные с пониманием природы психики, определением роли и места сознания в человеческой жизни. Одним из основных был вопрос о том, следует ли рассматривать человеческую психику как наделенную исключительно сознанием, можно ли допустить наличие в ней чего-то такого, что не обладает свойствами сознательности, или же часть процессов, происходящих автоматически, бессознательно и спонтанно, следует вынести за пределы психической жизни человека.

У Р. Декарта (1596-1650) этот вопрос решался однозначно: он провозгласил тождество сознательного и психического, считая, что в психике человека нет и не может быть ничего, кроме сознательно протекающих процессов. Максима «я мыслю, следовательно, я существую» становится отправной точкой его философии. Это не значит, что абсолютизируя силу разума и сводя все психическое к сознательному. Декарт не признает существования страсти человеческой души. Напротив, в трактате «Страсти души» он предпринял попытку осмысления проблемы. В этом трактате Декарт не только осуществляет классификацию страстей, но и пишет о борьбе, происходящей между «низшей» частью души, названной им «чувствующей», и «высшей» ее частью – «разумной». Однако, он считает, что части души не имеют принципиальных различий и, поэтому, душа фактически одна. При этом между двумя частями души нет никакой борьбы, поскольку разум является предопределяющим. Борьба в душе человека происходит лишь тогда, когда одна и та же причина вызывает страсть,

оказывающую влияние на тело. В этом случае человеческая страсть вызывает как бы бессознательное движение тела, в то время как душа сдерживает их.

Против абсолютизации власти разумного начала в человеке выступил Спиноза (1632-1677), считавший, что «люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума...». В противоположность картезианской философии Спиноза выдвинул положение, согласно которому влечение или желание есть сама сущность человека. Эти представления о соотношении разума и страстей, сознания и влечений человека нашли свое отражение в работах ряда философов, высказывавших сомнение по поводу тех или иных положений картезианской философии.

Одним из таких философов был Юм (1711-1776), который выступил против расхожих представлений, что любое разумное существо сообразует свои помыслы с разумом. Юм предпринял попытку доказать, что, во-первых, сам по себе разум не может служить мотивом волевого акта, и, во-вторых, этот разум отнюдь не препятствует протеканию аффектов. При этом Юм полагал, что в принципе разум и аффекты не могут противостоять друг другу или оспаривать друг у друга приоритет в управлении волей человека и, следовательно нет необходимости говорить о какой-либо борьбе между ними. В рассуждениях Спинозы и Юма много сходного с тем, что позднее было выражено в психоаналитическом учении Фрейда. Это, прежде всего, положение о том, что в жизнедеятельности человека предопределяющую роль играют его бессознательные желания или влечения, нежели сознание, разум. Кроме того, спинозовская трактовка желаний и влечений человека в качестве его самой сокровенной, основополагающей сути целиком и полностью разделяются основателем психоанализа.

Наряду с проблемой соотношения разума и слостей важное место в философии XVII-XVIII веков занимал вопрос о взаимосвязях между сознательными и бессознательными восприятиями, идеями и суждениями, который относится к философскому пониманию природы человеческого познания. Декарт признавал наличие у человека «*неясных*» и «*темных*»

восприятий, возникающих в силу двойственного происхождения восприятий как таковых, ибо согласно картезианской философии одни из них возникают в теле, другие в душе человека. В свою очередь Спиноза различал *«ясные»* и *«смутные»* идеи.

В философии Лейбница (1646-1716) эта проблема рассматривалась через призму так называемых *«малых перцепций»*, *«незаметных восприятий»*. Согласно его взглядам трудно объяснить возникновение сознательных представлений и идей, если не допустить существование чего-то такого, что не характеризуется свойством сознательности, но тем не менее дремлет в человеческой душе. Способ рассуждения о необходимости признания бессознательного и аргументация, к которой прибегает Лейбниц и Фрейд, во многом идентичны. Так, если Лейбниц указывает на нарушение связи между процессами восприятия в случае непризнания предшествующих сознанию состояний человеческой души, то аналогично построена и аргументация Фрейда. Он исходит из того, что допущение бессознательного необходимо в силу существования таких актов сознания, для объяснения которых требуется признание наличия других актов, не являющихся сознательными, ибо у данных сознания имеется множество пробелов. Только в этом случае, считает он, не нарушается психическая непрерывность и становится понятным существо познавательного процесса с его сознательными актами.

Проблема бессознательного, облаченная в форму рассмотрения возможности существования неосознанных представлений, находит свое отражение в философии Канта (1724-1804). Кант замечает, что мы можем сознавать, что имеем представление, хотя и не осознавать его. На этом основании он различает два вида представлений: *«смутные»* и *«ясные»*. Кант не сомневается не только в наличии у человека *«смутных»* представлений, но и в существовании чувственных созерцаний и ощущений, что сфера *«смутных»* представлений у человека довольно обширна, в то время как доступные сознанию *«ясные»* представления не столь многочисленны.

Некоторые идеи Фрейда перекликаются с идеями, выдвинутыми Фихте (1762-1814). Например, идеи, утверждающие бессознательное в качестве первоосновы человеческого бытия, исходного материала, из которого происходит сознание или теоретическое положение, согласно которому переход от бессознательного к сознанию сопровождается у человека ограничением свободы, связанным с наложением различного рода запретов во имя сохранения и поддержания жизни. В то же время у Фихте бессознательное - это свободная деятельность, созидаящая внутренний и внешний мир человека, деятельность одухотворенная как бы изнутри, то для Фрейда бессознательное уходит своими корнями в природную данность человеческого существа, но не имеет, по сути дела, никакого отношения к конструированию объективной реальности.

Размышления о проблеме бессознательного заняли важное место во многих философских работах XIX века. В этот период намечается и осуществляется переворот от рационализма эпохи Просвещения и немецкой классической философии к иррациональному пониманию бытия человека в мире.

Одним из философов, отстаивающих иррационалистическую линию в философской мысли, был Шопенгауэр (1788-1860). В своем главном труде «Мир как воля и представление» (1819) он выдвинул учение, согласно которому началом всего сущего является бессознательная «мировая воля», а первым актом сознания - представление. В воле находится источник спонтанного развития, именно эта необузданная и неуправляемая сила дает толчок к созиданию всех реалий жизни. Что касается познания человеком окружающего мира, то, в понимании Шопенгауэра, лишь, посредством представления этот мир становится доступным человеческому сознанию. Таким образом, сознательная, интеллектуальная деятельность человека составляет лишь нечто побочное, не имеющее никакого принципиального значения для познания как такового, поскольку разум способен постичь только явления, а не саму суть происходящего. Все оказывается

детерминированным бессознательной волей.

Аналогичных взглядов придерживается и Ницше (1844-1900). Как и Шопенгауэр, он исходил из того, что в основе мира лежит бессознательная воля, дающая начало всему сущему. Исходя из этого, бессознательное в философии Ницше кладется в основу, как познавательных процессов, так и всей человеческой деятельности. Для объяснения всех проявлений жизнедеятельности людей он вводит понятие «*воля к власти*», трактуя ее в качестве природноданного, бессознательного инстинкта каждого человеческого существа. Сознание же вторично и вообще исчезает, уступив место автоматизму. Философия Шопенгауэра и Ницше оказала большое влияние на формирование психоанализа. Многие идеи этих философов в значительной степени предопределили различные психоаналитические концепции. Конечно, между психоанализом Фрейда и философией Шопенгауэра и Ницше нет абсолютного тождества. Напротив, в понимании бессознательного между ними имеются определенные расхождения. У Шопенгауэра бессознательное изначально онтологично: «*мировая воля*» - первопричина всего сущего. Ницше в известной степени разделяет эту точку зрения, но большее внимание акцентирует на рассмотрении бессознательного, как он функционирует в глубинах человеческого существа. Для Фрейда же бессознательное - это прежде всего и главным образом нечто психологическое, подлежащее осмыслению лишь в связи с человеком. Однако, рассуждения Шопенгауэра и Ницше о приоритете бессознательного над сознанием и рассмотрении бессознательного в качестве важного, определяющего элемента человеческой жизни импонировали Фрейду, который поставил всю эту проблему в центр своего психоаналитического учения.

Особо следует сказать о немецком философе и психологе Т. Липсе (1851-1914), который заявил, что бессознательные процессы представляют собой особую сферу психического, требующую изучения. Рассматривая человеческую психику, Липс выдвинул мысль, согласно которой основным

фактором психической жизни являются бессознательные ее проявления, и, следовательно, необходимо сосредоточить усилия на том, чтобы понять и раскрыть природу бессознательного, выявить и объяснить закономерности его функционирования.

В период, предшествующий зарождению психоанализа, Фрейд неоднократно обращался к работам Липса и, несмотря на то, что он пытался доказать, что использованное им понятие бессознательного не совпадает с той его трактовкой, какая имела место у Липса, ибо последний акцентировал внимание на описательном аспекте данной проблематики, в то время как в психоанализе исследуются динамические стороны бессознательного, идеи этого немецкого философа оказали заметное влияние на Фрейда.

Таким образом, еще до Фрейда многие философы обращались к проблеме бессознательного и их идеи, несомненно, оказали влияние на становление психоаналитического учения Фрейда и, хотя Фрейда чаще рассматривают как психиатра, его философского наследия нельзя недооценивать. Э. Фромм в своей работе «Психоанализ и религия» писал: «... Фрейд, последний великий представитель рационализма Просвещения и первый, кто показал его ограниченность. Он осмелился прервать песни триумфа, которые распевал чистый интеллект, Фрейд показал, что разум ценнейшее и человечнейшее из качеств человека сам подвержен искажающему воздействию страстей». [4, 185 – 207]

КОНЦЕПЦИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО У З. ФРЕЙДА

Психоанализ – метод, разработанный Зигмундом Фрейдом для лечения психических заболеваний. Другое объяснение данного термина – теория, объясняющая роль бессознательного в жизни человека и общества. С 20-х гг. возникает, сначала в Вене, а затем в Европе и Америке как психологическая философия. Наиболее выдающиеся исследователи Фрейда – Альфред Адлер, Карл Юнг, Эрих Фромм и др. Классическая психоаналитическая доктрина Фрейда предполагала изучение скрытых основ души человека. Фрейд открыл, что за покровом сознания скрыт глубинный, «кипящий» пласт не осознаваемых личностью могущественных стремлений, влечений, желаний. Будучи лечащим врачом, он столкнулся с тем, что эти неосознаваемые переживания и мотивы могут серьезно отягощать жизнь и даже становиться причиной нервно-психических заболеваний. Это направило его на поиски средств избавления своих пациентов от конфликтов между тем, что говорит им сознание, и потаенными слепыми, бессознательными побуждениями. Бессознательное – в широком («описательном» по Фрейду) смысле – те содержания психической жизни, о наличии которых человек либо не подозревает в данный момент, либо не подозревает в течении длительного времени, либо вообще никогда не знал; это сфера влечений, инстинктов, неосознанных представлений. [1, 3 – 4]

Бессознательное состоит, прежде всего, из сексуальных инстинктов – либидо, инстинкта превосходства над другими людьми, который позволяет компенсировать чувство неполноценности (Адлер), выработанных «архетипов» образов коллективного бессознательного, т. е. безличных, схожих у всех людей снов, образов и т. д. (К. Юнг), «первичных позывов» жизни и смерти и т. д.

С точки зрения Фрейда инстинкты являются каналами, по которым проходит энергия, формирующая нашу деятельность. Либидо, о котором так много писал и сам Фрейд и его ученики и является той специфической энергией, которая связана с инстинктом жизни. Энергию, связанную с

инстинктом смерти и агрессии Фрейд обозначил термином *Оно* (ид). Он также считал, что содержание бессознательного постоянно расширяется, так как те стремления и желания, которые человек не смог по тем или иным причинам реализовать в своей деятельности вытесняются им в бессознательное, наполняя его содержание.

Вторая структура личности — *Я* (эго) по мнению Фрейда также является врожденной и располагается как в сознательном слое, так и в предсознании. Таким образом, мы всегда можем осознать свое *Я*, хотя это может быть для нас и не легким делом. Если содержание *Оно* расширяется, то содержание *Я*, наоборот сужается, так как ребенок рождается по выражению Фрейда с «океаническим чувством я», включая в себя весь окружающий мир. Со временем он начинает осознавать границу между собой и окружающим миром, начинает локализовать свое *Я* до своего тела, сужая, таким образом, объем *Я*. Эго следует принципу реальности, вырабатывая ряд механизмов, позволяющих адаптироваться к среде, справляться с ее требованиями. Эго – посредник между стимулами, идущими как из этой среды, так и из глубин организма, с одной стороны, и ответными двигательными реакциями – с другой.

Третья структура личности – *сверх-Я* (супер-эго) не врожденная, она формируется в процессе жизни ребенка. Механизмом ее формирования является идентификация с близким взрослым своего пола, черты и качества которого и становятся содержанием *сверх-Я*. В процессе идентификации у детей формируется также Эдипов комплекс (у мальчиков) или комплекс Электры (у девочек), то есть комплекс амбивалентных чувств, которые испытывает ребенок к объекту идентификации. Супер-эго служит источником моральных и религиозных чувств, контролирующим и наказующим агентом. Если *Я* примет решение или совершит действие в угоду *Оно*, но в противовес *сверх-Я*, то *Оно* испытывает наказание в виде укоров совести, чувства вины. Поскольку *сверх-Я* черпает энергию от ид, постольку *сверх-Я* часто действует жестоко, даже садистски. От напряжений,

испытываемых под давлением различных сил, Я (эго) спасается с помощью специальных «защитных механизмов» - вытеснения, рационализации, регрессии, сублимации и др. Вытеснение означает произвольное устранение из сознания чувств, мыслей и стремлений к действию. Перемещаясь в область бессознательного, они продолжают мотивировать поведение, оказывают на него давление, переживаются в виде чувства тревожности. Регрессия - соскальзывание на более примитивный уровень поведения или мышления. Сублимация - один из механизмов, посредством которого запретная сексуальная энергия, перемещаясь на несексуальные объекты, разряжается в виде деятельности, приемлемой для индивида и общества. Разновидностью сублимации является творчество.[1, 425 – 439]

Учение Фрейда прославилось прежде всего тем, что проникло в тайники бессознательного, или, как иногда говорил сам автор, "*преисподнюю*" психики.

Весь этот сложный пласт бессознательного вытесняется за порог сознания и обуславливает большинство психических действий человека. В результате действия человека приобретают иррационалистическую окраску, потому что своим «подсознанием» человек не управляет, в то время как подсознание влияет на его сознательные поступки, отношение к другим людям, к обществу и т. д. Бессознательное может быть источником как творческих, так и разрушительных тенденций в обществе. Следует понять, что не только большинство действий человека, но и все исторические культурные явления зависят от глубинных, подсознательных влечений, которые сублимируются т. е. преобразуются в духовной деятельности и в первую очередь в сферах религии, искусства, философии.

Существует антагонизм между природным началом человека (сексуальными и агрессивными импульсами) и культурой с ее идеалами и нормами, противоречащими желаниям, которые вызваны бессознательным началом. Культура основана на отказе от удовлетворения желаний, она уменьшает счастье человека и увеличивает чувство вины, тревоги в человеке

из-за невозможности реализовать желания. Методология психоанализа требовала при познании явлений социума исходить из позиций бессознательных механизмов, лежащих в основе феноменов религии, искусства, науки, политики, морали.

Подвижность либидо – один из важнейших принципов нашей психической жизни. На нем основано все, что именуется фрейдовскими механизмами. Именно там, куда приливает либидо, становится светло и радостно, там же, откуда оно отливает, делается темно. Либидо переливается даже за пределы индивидуальной замкнутости в окружающее и завоевывает мир. Оно снова возвращается обратно, и, обогащенное опытом, как пчела медом, претворяется в «я», в ту фикцию, которая в примитивной философии считалась реальностью.

Фрейд учит, что существует *Сверх-Я*, возникающее путем идентификации с прообразом отца. Но не только *Сверх-Я* (называемое также *Идеалом-Я*) возникает путем идентификации. В дальнейшем Фрейд не остановится перед тем, чтобы рассматривать всю фикцию *Я* в целом, как идентификацию с отцом, матерью и всем живым в окружающем мире. Сперва все вызывает подражание, затем продукт подражания вызывает любовь в качестве *Я* (нарцизм) и отделяется (дифференцируется) от окружающего, благодаря любви к самому себе.

В период первой мировой войны Фрейд вносит коррективы в свою схему инстинктов. К этому вынудила жизнь. Фрейд столкнулся с пациентами, которые страдали от неврозов, сопряженных не с сексуальными переживаниями, а с травмировавшими их испытаниями военного времени. Это дало ему повод выдвинуть версию об особом влечении, столь же могучем, как сексуальное, и потому провоцирующем болезненную фиксацию на событиях, сопряженных со страхом, вызывающих тревогу и т. п. Этот особый инстинкт Фрейд обозначил древнегреческим термином Танатос. Под именем Танатос имелось в виду особое тяготение к смерти, к уничтожению других, стремление к агрессии, которая возводилась в ранг известного,

заложенного в самой природе человека биологического побуждения. Это влечение Фрейд описал в книге «По ту сторону удовольствия».

В свое время он выдвинул положение о двух принципах психической деятельности. Высшую тенденцию, которой подчиняются психические процессы, Фрейд назвал принципом удовольствия. Стремление к удовольствию и отвращение от неудовольствия не безраздельно и не исключительно направляют психическую жизнь. Необходимость приспособления вызывает потребность в точном осознании внешнего мира; этим вводится новый принцип душевной деятельности – принцип реальности, который диктует под час от удовольствия во имя «более надежного, хотя и отсроченного». В своей работе «По ту сторону удовольствия» Фрейд говорит, что первоначальнее этих принципов – принцип влечения к смерти, который является основным, первоначальным и всеобъемлющим принципом органической жизни. При этом все положительные жизнеохранительные тенденции, как стремление к самосохранению и проч., рассматриваются как частные влечения, имеющие целью обеспечить организму его собственный путь к смерти. [1, 39 – 36, 382 – 424]

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ

К.Г.ЮНГА

Как и основатель психоанализа Юнг в своих теоретических построениях опирался и на клиническую практику, и на философию прошлого. Вероятно, швейцарский психиатр был знаком с западной философией в большей степени, чем Фрейд, не говоря уже о том, что, в отличие от основателя психоанализа, он интересовался и восточной философией, особенно даосизмом и буддизмом. Сам Юнг в своих воспоминаниях отмечал, что еще в юношеские годы настолько увлекся философскими идеями, что долгое время не мог решить, чему посвятить свою профессиональную деятельность — философии или медицине. Но даже после того, как был сделан окончательный выбор в пользу медицины, Юнг не утратил своего интереса к философии. «Вопреки растущим научным интересам, — замечает он, — я время от времени вновь возвращался к моим философским книгам». Он подчеркивал, что философское влияние, которое превалирует в его образовании, восходит к Платону, Канту, Шопенгауэру, Э. Гартману и Ницше. И все же непосредственно к критическому переосмыслению идей Фрейда Юнга подвела его клиническая практика. При лечении шизофрении он столкнулся с такими случаями расщепления психики человека, которые не могли быть объяснены детскими сексуальными переживаниями индивида и, следовательно, не вписывались во фрейдовские представления о сексуальной детерминации человеческого поведения.

Фрейдовское понятие «либидо» приобретает у Юнга расширительное толкование: под «либидо» он понимает психическую энергию, определяющую интенсивность психических процессов, протекающих в душе человека. Эта энергия соотносится Юнгом не с конкретно-определенной психической силой, обусловленной, например, сексуальными влечениями, как это имело место у Фрейда, а с внутренним психологическим настроением, характеризующим психическую деятельность человека. Утверждая, что

«теория сексуальности чрезвычайно важна для меня и в личностном, и в философском смысле» Юнг, тем не менее, отрицает ее, как единственное выражение психической целостности личности и приводит многочисленные примеры «неврозов, в которых проблема сексуальности играла подчиненную роль, а на передний план выходили другие факторы, например, проблема социальной адаптации, давление трагических обстоятельств жизни, соображений престижа и т.д.».

Подвергнув критике фрейдовское понимание бессознательного за его чрезмерную сексуализацию, Юнг все же был близок к Фрейду в своей трактовке бессознательных психических процессов. Подчеркнем, что бессознательное для Юнга является исключительно психологическим понятием, характеризующим все те психические процессы, которые или не осознаются, не будучи предметом сознания, или воспринимаются как вытесненные из сознания. Разногласия же между Юнгом и Фрейдом в оценке бессознательного обнаруживаются лишь при раскрытии его содержательной стороны. Так, если основатель психоанализа всю человеческую деятельность сводил к биологически унаследованным бессознательным инстинктам, то по Юнгу инстинкты человека имеют не столько биологическую, сколько символическую природу. Правда, и Фрейд признавал символический характер бессознательного и пытался даже раскрыть символику бессознательных влечений. Но Юнг выдвинул предположение, что символика является составной частью самой психики и что бессознательное вырабатывает определенные идеи, носящие символический характер и составляющие основу всех представлений человека. Эти идеи рассматриваются им не как содержательные, а как формальные элементы психики, которым Юнг дает название «архетипы», понимая под ними нечто всеобщее и имманентно присущее всему человеческому роду. Архетипы действуют в человеке инстинктивно. В своей знаменитой работе «Архетип и символ» Юнг следующим образом поясняет суть этого понятия: «Под архетипами я понимаю коллективные по своей природе формы и образцы,

встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и в то же время являющиеся автохтонными индивидуальными продуктами бессознательного происхождения. Архетипические мотивы берут свое начало от архетипических образов в человеческом уме, которые передаются не только посредством традиции и миграции, но также с помощью наследственности. Эта гипотеза необходима, так как даже самые сложные архетипические образцы могут спонтанно воспроизводиться без какой-либо традиции. Прообраз или архетип является сформулированным итогом огромного технического опыта бесчисленного ряда предков. Это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа».

Иными словами, юнговские «архетипы» представляют собой формальные образцы поведения, или символические схемы, на основе которых оформляются конкретные, наполненные содержанием образы, которыми человек оперирует в своей реальной жизни и деятельности. На первый взгляд может создаться впечатление, что «архетипы» Юнга являются такими же элементами бессознательного, как и «первичные влечения» у Фрейда. Но это не так. Юнговские «архетипы» выступают как более глубинные осадки психики человека, накапливаемые в течение многотысячелетнего опыта приспособления и борьбы за существование не только отдельного индивида, но и всего человеческого рода. Такие архаические формы, остатки, отпечатки сохраняют в себе древний характер психических содержаний и функций примитивного душевного уклада жизни. Любопытно, что Юнг не соотносит их только со сферой человеческого бытия, а распространяет на весь органический мир, то есть выводит за рамки собственно бессознательного психического, «архетип» выступает у Юнга скорее как психоидный феномен. [8, 57 – 58, 131 - 133]

В 1903 году Юнг создает в городке Бурхгельцы лабораторию экспериментальной психопатологии, где были проведены первые работы, позволившие ему обосновать ядро своей философии - учение о коллективном бессознательном.

Известность Юнгу принес прежде всего словесно-ассоциативный тест, позволивший экспериментально выявить структуру бессознательного. Тест содержал обычно сотню слов. Испытуемый должен был тотчас реагировать на каждое из них первым пришедшим ему на ум словом. Время реакции замечалось секундомером. Затем операция повторялась, а испытуемый должен был воспроизводить свои прежние ответы. В определенных местах он ошибался. Ошибки, по мнению Юнга, случались тогда, когда слово задевало какой-то заряженный психической энергией «комплекс». Этот термин был введен в психологию Юнгом, позднее он стал употребляться Фрейдом и Адлером – кто не слышал об Эдиповом комплексе и комплексе неполноценности. В таких случаях удлинялось время подбора слова-реакции, испытуемые отвечали не одним словом, а целой речью, ошибались, заикались, молчали, полностью уходили в себя. Люди не понимали, например, того, что ответ на одно слово-стимул занимал у них в несколько раз больше времени, чем на другое.

Исследователю достаточно только «дотронуться» до комплекса, как у испытуемых появляются следы легкого эмоционального расстройства. Юнг считал, что этот тест выявляет в сознании испытуемого некие фрагментарные личности, из которых состоит личность человека в целом. Эти личности подсознательны. Комплекс - это выход одной из них на «поверхность» сознания. При этом *Я* человека как бы уходит на второй план, а роль его играет одна из личностей подсознания. У шизофреников диссоциация личности значительно более выражена, чем у нормальных людей, что в конечном итоге ведет к разрушению сознания, распаду личности, на месте которой остается ряд «комплексов».

«Исследования показывают, что существует огромное количество способов, которыми бессознательное не только влияет на сознание, но и полностью управляет. Но существует ли доказательство того предположения, что поэт, будучи в ясном сознании, может оказаться подвластным собственной работе? Доказательство это может быть двух видов: прямое и

косвенное. Прямым доказательством может стать поэт, уверенный, что он знает, что он говорит, но на деле говорящий больше, чем ему известно. Косвенные доказательства можно обнаружить в тех случаях, когда за видимой доброй волей поэта стоит высший императив, который вновь предъявляет свои безапелляционные требования, если поэт волюнтаристски обрывает творческий процесс, или наоборот, создает ему физические трудности, из-за которых работа должна быть прервана против его воли.

Изучение людей искусства последовательно демонстрирует не только силу творческого импульса, поднимающуюся из бессознательного, но также его капризный и своевольный характер. Нерожденное произведение в психике художника – это природная сила, которая находит выход, как благодаря тираническому могуществу, так и удивительной изворотливости природы, совершенно равнодушной к судьбе человека, который для нее представляет лишь средство. Потребность творить живет и растет в нем, подобно дереву, тянущемуся из земли и питающемуся ее соками. Мы не ошибемся, пожалуй, если будем рассматривать творческий процесс как живое существо, имплантированное в человеческую психику. На языке аналитической психологии это живое существо является автономным комплексом. Это отколовшийся кусок психики, который живет собственной жизнью вне иерархии сознания.»

В отличие от Фрейда, который рассматривал бессознательное как основной элемент психики отдельного человека, Юнг проводит дифференциацию между «индивидуальным» и «коллективным бессознательным». «Индивидуальное бессознательное» (или, как Юнг его еще называет, «личное», «персональное бессознательное») отражает личностный опыт отдельного человека и состоит из переживаний, которые когда-то были сознательными, но утратили свой сознательный характер в силу забвения или подавления. Оно охватывает все приобретения индивидуально-личностного существования, включая все то, что находится под порогом сознания.

Одно из центральных понятий «аналитической психологии» – «коллективное бессознательное» включает скрытые следы памяти человеческого прошлого: расовой и национальной истории, а также дочеловеческого, животного существования. Это общечеловеческий опыт, характерный для всех рас и народностей. Бессознательные содержания данных коллективных образований рассматриваются Юнгом как возникающие из наследственной структуры психики и мозга человека. Именно «коллективное бессознательное» является для швейцарского психиатра тем резервуаром, где сконцентрированы все «архетипы». По Юнгу, теория коллективного бессознательного объясняла и появление духов в сознании медиума, и распад личности шизофреника. Раньше говорили об «одержимости бесами», приходившими в душу извне, а теперь выясняется, что весь их легион уже есть в душе. Наше сознательное *Я* есть один из элементов психики, в которой имеются более глубокие и древние слои. Учение о коллективном бессознательном переплетается с жизнью – слова Юнга о том, что психология «имеет характер субъективной исповеди», возникли не на пустом месте. Однако созданное Юнгом учение вовсе не сводится к его личным переживаниям, тому диалогу его сознания с бессознательным, о котором Юнг написал свои мемуары – «Воспоминания, сновидения, размышления». Опыт каждого вплетается в историю поколения, народа, культуры; все мы – дети своего времени.

Вводя понятие коллективного бессознательного, Юнг должен был четко отделить свою концепцию от фрейдовского бессознательного. Он отказывается видеть причину чуть ли не всех неврозов в «эдиповом треугольнике», но не отрицает значимости для психоанализа индивидуальной истории человека. В ней имеются общие для всех людей «стадии роста». Неврозы появляются обычно в кризисные переходные периоды (не только при переходе от детства к юности, но и, например в сорок лет). Личностное бессознательное состоящее из вытесненных

комплексов, забытых, либо никогда не преодолевавших порога сознания представлений, – это результат жизненного пути человека.

Содержания коллективного бессознательного не просто никогда не входили в сознание, «они никогда не были индивидуальным приобретением, но обязаны своим появлением исключительно наследственности». Есть, по Юнгу, глубинная часть психики, имеющая коллективную, универсальную и безличную природу, одинаковую для всех членов данного коллектива. Этот слой психики непосредственно связан с инстинктами, то есть наследуемыми факторами. Они же существовали задолго до появления сознания и продолжают преследовать свои «собственные» цели, несмотря на развитие сознания. Коллективное бессознательное есть результат родовой жизни, которая служит фундаментом духовной жизни индивида. Юнг сравнивал коллективное бессознательное с матрицей, грибницей (гриб - индивидуальная душа), с подводной частью горы или айсберга: чем глубже мы уходим «под воду», тем шире основание. От общего – семьи, племени, народа, расы, то есть всего человечества – мы спускаемся к наследию дочеловеческих предков. Как и наше тело, психика есть итог эволюции. Психический аппарат всегда опосредовал отношения организма со средой, поэтому в психике запечатлялись типичные реакции на повторяющиеся условия жизни. Роль автоматических реакций и играют инстинкты. Подобно любой другой науке, психология изучает не индивидуальное, но всеобщее – универсальные закономерности психической жизни необходимо открыть в индивидуальных проявлениях.

Не только элементарные поведенческие акты вроде безусловных рефлексов, но также восприятие, мышление, воображение находятся под влиянием врожденных программ, универсальных образцов. Архетипы суть прообразы, проформы поведения и мышления. Это система установок и реакций, которая незаметно определяет жизнь человека.

Юнг сравнивал архетипы с системой осей кристалла. Она формирует кристалл в растворе, выступая как поле, распределяющее частицы вещества.

В психике «веществом» является внешний и внутренний опыт, организуемый согласно этим врожденным формам. Будучи «непредставимым», архетип в чистом виде не входит в сознание. Подвергнутый сознательной переработке, он превращается в «архетипический образ», который ближе всего к архетипу в опыте сновидений, галлюцинаций, мистических видений. В мифах, сказках, религиях, тайных учениях, произведениях искусства спутанные, воспринимаемые как нечто чуждое, страшное образы превращаются в символы. Они становятся все более прекрасными по форме и всеобщими по содержанию. [8, 201 – 203]

«Воздействие архетипа, независимо от того, принимает ли оно форму непосредственного опыта, или выражается через слово, сильно потому, что в нем говорит голос более мощный, чем наш собственный. Кто бы ни говорил в первобытном образе, он говорит тысячью голосов; он очаровывает и поработывает, и в то же время несет идею, которая через частное посылает нас в область неизбывного. Он трансмутирует нашу личную судьбу в судьбу человечества и будит в нас благодатные силы, которые всегда помогали человечеству спастись от любой опасности и пережить самую долгую ночь.

В этом секрет великого искусства и его воздействия на нас. Творческий процесс, насколько мы можем его проследить, состоит в бессознательной активации архетипического образа, и его дальнейшей обработке и оформлению в законченное произведение. Неудовлетворенность художника ведет его назад к тому первобытному образу в бессознательном, который может лучше всего компенсировать несоответствие и односторонность настоящего. Ухватив этот образ, художник поднимает его из глубин бессознательного, чтобы привести в соответствие с сознательными ценностями, и преобразуя его так, чтобы он мог быть воспринят умами современников в соответствии с их способностями»

Идеи о «коллективном бессознательном» были почерпнуты Юнгом из теории о «коллективных представлениях» французского этнолога Леви-Брюля, которой, по его собственному признанию, он «только дал

эмпирическое основание». Казалось бы, данное признание должно свидетельствовать о продолжении Юнгом линии Леви-Брюля, у которого коллективные представления ассоциируются с процессом социализации личности. Но у Юнга выход на уровень рассмотрения социальных аспектов коллективных представлений причудливо переплетался с биологической, а порой и мистической трактовкой человеческого бытия. Юнга прежде всего интересует наследственно данная психологическая структура, отражающаяся в «коллективном бессознательном»: он пытается раскрыть структурные особенности коллективных идей с точки зрения их символических элементов. В этом пункте швейцарский психиатр предвосхитил некоторые идеи современных структуралистов. Однако если у последних исследование символической функции бессознательного соотносится с языковой деятельностью человека (это наиболее рельефно выражено в максиме Ж. Лакана «Бессознательное структурируется как язык»), то Юнг при раскрытии символических элементов «коллективного бессознательного» обращается к таким идеям, которые имеют религиозную окраску. Именно религиозные представления, по его мнению, выражают фактическую сторону унаследованных данных «коллективного бессознательного», являющегося средоточием мифологических образов, которые составляют скрытое содержание коллективных идей. Поэтому мифологические связи, религиозные отношения представляются ему важными элементами психической жизни человека. Он не только признает позитивную ценность религии, но и с этих позиций критикует Фрейда за «его неспособность понять религиозный опыт».[2, 57 - 149]

Швейцарский психиатр ввел понятия «архетип» и «коллективное бессознательное» для того, чтобы рассмотреть природу и содержание бессознательного не в психологическом и биологическом плане, как это имело место у Фрейда, а с точки зрения символического обозначения и схематического оформления структурных представлений человека. Здесь его позиция сближается со взглядами французских структуралистов Леви-

Стросса, Фуко, Лакана: и Юнг и структуралисты попытались освободить фрейдовское бессознательное от природно-данного и биологически унаследованного напластования. Но если структуралистам в какой-то степени удалось дебиологизировать бессознательное, то у Юнга данная проблема получила только видимость разрешения, и «архетипы», и «коллективное бессознательное» оказываются в конечном счете внутренними продуктами психики человека, представляя наследственные формы и идеи всего человеческого рода.

Разница между теоретическими построениями Фрейда и Юнга заключается лишь в том, что наследственным, биологическим материалом для основателя психоанализа были сами инстинкты, определяющие мотивы деятельности человека, а для создателя «аналитической психологии» - формы, идеи, типичные способы поведения. Правда, биологизм Фрейда был более последовательным и прямолинейным, чем у Юнга, чьи высказывания по этому вопросу носили противоречивый характер. Однако, механизм биологической предопределенности и наследственности сохраняется в теоретических конструкциях обоих психоаналитиков, хотя он и действует на разных уровнях психики человека. Что же касается юнговского представления о религиозных образах, оседающих в «коллективном бессознательном» и признания необходимости религиозных отношений в жизни человека, то в этом вопросе «аналитическая психология» отступила от атеистических установок классического психоанализа, нацеленного на разоблачение религиозных иллюзий.

Составной частью «аналитической психологии» Юнга является теория «комплексов», то есть бессознательных психических сил индивида, организованных в определенные системные образования, которые оказывают постоянное воздействие на жизнедеятельность человека. В глубинах бессознательного, по мнению Юнга, всегда находятся наготове «комплексы» воспоминаний индивидуального прошлого, и прежде всего родительские, детские или так называемые «семейные комплексы», «комплекс власти»,

«комплекс неполноценности» и т. д. «Комплексы» – это своего рода «психологические демоны», спонтанные всплески бессознательных актов, взрывающих спокойное, направленное течение психических процессов, это неуправляемые силы, которые как бы свидетельствуют о власти бессознательного над сознательным в психике человека.

На основе концепции «комплексов» Юнг и его последователи попытались глубже проникнуть в механизмы функционирования бессознательного, выявить сложные взаимоотношения между бессознательными и сознательными психическими процессами, раскрыть роль бессознательных влечений в формировании поведения людей. Однако эта концепция мало чем отличалась от теории вытесненного бессознательного Фрейда. И хотя слово «комплекс» стало распространенным термином в западной психологии, медицине и других науках, поскольку с его помощью удавалось образно описать различные бессознательные факторы и мотивы поведения человека, с этим словом нередко соотносятся такие разноплановые проявления бессознательного, что оно фактически утрачивает свою специфику. Ни один из терминов, созданных в рамках психоанализа, не был, по утверждению Фрейда, «так часто неправильно применяем во вред образованию точных понятий».

Составляющее внутреннее ядро психического мира человека бессознательное функционирует, по Юнгу, на всех структурных уровнях психики. Это положение вполне согласуется с фрейдовским подходом к анализу бессознательного психического. Правда, в отличие от Фрейда, Юнг проводит более многоплановую дифференциацию уровней психики, вводя в свои теоретические конструкции ряд понятий, которые, по его убеждению, характеризуют новое видение личности. Наряду с такими понятиями, как «коллективное» и «индивидуальное бессознательное», он выделяет «Персону», «Тень», «Аниму», «Анимус», «Самость» и ряд других. [3, 3 – 20, 47 – 58]

Первый архетип, с которым сталкивается всякий человек в процессе индивидуации, – Тень. Этот «сегмент психики» – еще не архетип коллективного бессознательного в подлинном смысле слова. Тень – это вся совокупность вытесненных нашей психикой представлений о нас самих, персонификация личного бессознательного. Тень автономна, это наш темный двойник, и чем больше его подавление, чем идеальнее хочет выглядеть человек в собственных глазах, тем большую Тень он отбрасывает.

Если Тень – наш двойник, то следующий архетип всегда персонифицируется лицом противоположного пола. Это близнецы Анима и Анимус: женское начало – в мужчине и мужское – в женщине. Анима, обитающая в бессознательном мужчины, – чувственно капризное, сентиментальное, коварное и демоническое существо. Она представляет собой источник иррациональных чувствований у мужчины. Анимус, напротив, источник рациональных мнений, не подвергаемых сомнению принципов, решительных суждений («так положено», «так принято» и т.п.), то есть предрассудков, принимаемых женщиной за непреходящие истины. Юнг обращает внимание на амбивалентность архетипических образов – они лежат «по ту сторону» моральных конвенций, добра и зла. Анима может предстать в виде русалки, ведьмы, сирены, лорелеи; Анимус является в облике колдуна, гнома или даже Синея Бороды. Это соблазнительные, искушающие, опасные образы, но именно они придают витальность и «душевность» мужчине, интеллектуальные способности, свободу от предвзятых мнений - женщине.

В процессе индивидуализации Анима и Анимус постепенно одухотворяются, совершается переход к «архетипу смысла», к самости, подлинному центру психики. Происходит возврат к персонификациям с чертами собственного пола.

Движение от *Я* к самости невозможно без универсальных символов. В иные эпохи психотерапия не была нужна именно потому, что содержания бессознательного представляли как символы трансцендентного мира, лежащего

за пределами нашей души. Психология и психотерапия нужны современному человеку, утратившему символический универсум. То, что мы сегодня обнаруживаем в глубинах собственной души, представало в традиционных обществах как прекрасный, упорядоченный божественный космос.

Идеальное соединение сознания и коллективного бессознательного совершается через символ. Символы и ритуалы суть «плотины и стены, воздвигнутые против опасностей бессознательного», они позволяют ассимилировать колоссальную психическую энергию архетипов. Стоит догматам затвердеть в оторванности от опыта, как появляется опасность прорыва вод бессознательного, они поднимаются все выше, грозят захлестнуть сознание. Человечество всегда стоит на границе с неподвластными ему силами, готовыми вторгнуться в наш мир, приняв облик психической болезни, религиозного фанатизма или политического безумия. Охраняют человечество «стены» религиозно-мифологических символов. Когда был услышан крик «Великий бог Пан умер!», это было предвестием гибели богов Эллады и Рима, а вместе с тем и античного мира. Христианство пришло на смену язычеству, по-прежнему защищая от «жуткой жизненности, таящейся в глубинах души». Через тысячу лет «стены» ослабли, началась Реформация, пробившая бреши в проецируемых на внешний мир священных образах. Затем последовали рассудочное Просвещение, а за ним – «ужасающие, если не сказать дьявольские, триумфы нашей науки». В итоге европейское человечество лишилось «защитных стен», пребывает в духовной нищете, прекрасный космос вновь превращается в хаос. Отсюда, считает Юнг, и неврозы, и политическое идолопоклонство, и судорожные поиски на Востоке того, что было утрачено у себя дома. Цивилизация, растерявшая своих богов, свои мифы, по мнению Юнга, обречена, ибо миф устанавливает жизненные координаты, придает существованию осмысленный характер.

Коллективное бессознательное – это противоположный сознанию, но связанный с ним полюс психики – саморегулирующейся системы, в которой происходит постоянный обмен энергией, рождающейся из борьбы

противоположностей. Обособление какой-то части психики ведет к утрате энергетического равновесия. Отрыв сознания от бессознательного ведет к нарастающему давлению – бессознательное стремится «компенсировать», снять обособленность сознания. «Вторжения» коллективного бессознательного могут вести не только к индивидуальному или коллективному безумию, но и к расширению («амплификации») сознания. Эта задача стоит перед психотерапевтом: пациент постепенно овладевает своим бессознательным, переводит его на язык символов, пластичных образов искусства и религии. В неожиданных ситуациях, когда сознание не может справиться с возникшими затруднениями, бессознательное часто автоматически приходит на помощь, проявляет свою компенсаторную функцию. Подключается вся энергия психики. Решение может прийти, например, во сне. Нужно только уметь «слушать», что говорит коллективное бессознательное.[2, 150 – 175]

ВЫВОДЫ

3. Фрейд и К. Юнг поставили и исследовали ряд проблем, которые до них в такой форме не ставились и которые оказались одними из центральных для философии и наук о человеке в XX веке. Эти проблемы стали сегодня даже более острыми. Можно выделить три главные проблемы.

1. Во-первых это проблема непрозрачности *Я* для самого себя. Тезис Декарта о самосознании *Я* как о чем-то абсолютно самоочевидном был основой классического понимания человека, его познания и сознания. Идея о том, что *Я* может быть неочевидным для себя, что оно может обманываться в отношении себя, означает совершенно другое понимание и человека и наук о нем. Революционным шагом было не просто представление о наличии бессознательных процессов, так или иначе связанных с психической жизнью. Фрейд постулировал существование не просто бессознательных процессов, а таких, которые не сводятся к возбуждению и взаимодействию нейронов и являются именно психическими процессами, т. е., например, бессознательными желаниями, намерениями, мыслями, эмоциями и т. д.

Сейчас преобладает мнение, что мы подошли к такому рубежу в изучении работы психики, когда можно и нужно делать сознание предметом научного анализа. Но в этом случае возникает вопрос о взаимоотношении сознательных и бессознательных процессов. Соответствующие концепции широко обсуждаются (например, теория Д. Деннета, в которой размывается грань между сознательными и бессознательными процессами и ставится под вопрос тезис о единстве сознания).

2. Другое открытие, связанное с первым – это возможность объединения причинного объяснения с объяснением на основании мотивов в том случае, когда речь идет о бессознательных психических процессах. С одной стороны, эти процессы не контролируются сознанием. Поэтому они действуют причинным образом (я совершаю некоторое действие не потому, что сознательно хотел его совершить, а потому, что меня толкает на это

некий мой бессознательный импульс). С другой стороны, эти процессы – результат вытеснения того что могло быть мотивом действия. Поэтому они сохраняют нечто от мотивов, т. е. имеют смысл (я совершаю некоторое действие не только потому, что меня толкает некий слепой импульс, но и потому, что я сам бессознательно стремлюсь совершить это действие).

3. Был поставлен под вопрос тезис о единстве Я, тот тезис, который был бесспорным для классической мысли. Я сложно внутри себя, многослойно, не в ладах с собою. Вместе с тем разработанный Фрейдом метод психоанализа состоял в том, чтобы дать средства для восстановления этого единства. Пациент в сотрудничестве с психотерапевтом получает возможность проникнуть в глубины его бессознательного, вывести на свет сознания то, что таилось в темной глубине психики, и тем самым овладеть неподконтрольными разуму собственными стихийными импульсами.[9, 5 – 7]

Я считаю, что недостатком фрейдизма является преувеличение роли сексуальной сферы в жизни и психике человека, человек понимается в основном как биологическое сексуальное существо, которое находится в постоянной тайной войны с обществом, заставляющем подавлять сексуальные влечения. Человек с позиции фрейдизма – это противоречивое, изначально порочное, мучающееся страждущее существо, невротичное и конфликтное. К. Г. Юнг первым попытался вывести психоанализ за пределы натурализма и естественнонаучных теорий. Фрейд обращал внимание на раннее детство индивида, тогда как Юнг считал, что психология должна обратиться к куда отдаленным временам истории. Сознание и бессознательное оторвались друг от друга у современного человека, но в древних мифологиях и религиях они гармонично сочетались – китайские символы инь и ян, андрогин алхимиков постоянно выступают в качестве иллюстраций к психологическим работам Юнга. Я думаю К. Г. Юнг более широко рассмотрел проблему бессознательного. Он привнес определенные новации, связанные главным образом с существованием и функционированием

архаичных психических структур. Осуществив редукцию коллективного бессознательного к психической эволюционной архаике, выражающейся в архетипах, он значительно содействовал осмыслению базисных представлений и измерений бессознательного психического и существенно увеличил эвристический потенциал психоаналитической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зигмунд Фрейд. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
2. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
3. Лейбин В. М. Психоанализ и философия неопрейдизма. – М., 1977г. – 246 с.
4. Фрейд З. Психоанализ и религия // Сумерки богов. Сборник. (Составитель А. Яковлев). М., 1990 – 300 с.
5. Овчаренко В. И. Осознание бессознательного // Вопросы философии. - 2000. - №10. – С. 33 – 36.
6. Философия: учебник для высших учебных заведений./ Отв. Ред. В. П. Кохановский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 576 с.
7. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. Учебник. – М.: Проспект, 1998. – 586 с.
8. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. – 374 с.
9. Лекторский В. А. О некоторых философских уроках З. Фрейда // Вопросы философии. - 2000. - №10. – С. 4 – 8.